

«Взмахнете бантом, как крылом, — и только вас и видели...»

27 ИЮЛЯ
ИСПОЛНИЛОСЬ 120 ЛЕТ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ИРИНЫ ОДОЕВЦЕВОЙ

Ее настоящее имя — Ираида Гейнике. Родилась она в Риге, в семье известного адвоката Густава Гейнике. В начале Первой мировой войны семья переехала в Петроград. Здесь Ираида Гейнике стала Ириной Одоевцовой — имя она русифицировала и взяла как творческий псевдоним фамилию своей матери.

В послереволюционном Петрограде, как это ни странно, кипела литературная жизнь. Ирина стала заниматься в литературной студии «Живое слово», располагавшейся поначалу в Тенишевском училище на Моховой, 35. Там читал лекции Николай Гумилев, который стал ее учителем, ее божеством.

А он считал юную поэтессу своим творением. Гордился ею, представляя всем как свою ученицу.

Она ничего не пишет о том, были ли они влюблены друг в друга, мы можем только догадываться. Скорее всего, их связывали отношения, которые французы обозначают как «влюбленная дружба».

Я придумал это, глядя на твои
Косы — кольца огневющей змеи,
На твои зеленеватые глаза,
Как персидская большая бирюза, —
написал Николай Гумилев в стихотворении, посвященном Ирине Одоевцовой.

Сама Одоевцева оценивала свои стихи скромно, написав однажды:
Ни Гумилев, ни злая пресса
не назовут меня талантом.
Я — маленькая поэтесса
С огромным бантом.

Между тем петербургские поэты, включая Гумилева, относились к ее творчеству весьма благосклонно.

А еще Ирина Одоевцева была красавицей. Рыжие кудри, зеленоватые «кошачьи» глаза, хрупкая фигура... Ее принято считать воплощением Серебряного века. Но она очень отличается от типичных представительниц этой прекрасной и гибельной эпохи — с их роко-

вой, декадентской красотой, игрой в демонизм, в загадочность. Одоевцева скорее похожа на голливудских актрис начала века с ампула «женщина-ребенок» — таких, как Мэри Пикфорд или Лилиан Гиш.

Ее фирменным знаком был огромный черный бант. «Ветер подует, сломает или унесет. Взмахнете бантом, как крылом, — и только вас и видели...», — говорил ей Николай Гумилев.

Так и случилось. Штормовой ветер революционной катастрофы налетел, закружил, затянул Россию в страшную воронку. Кого-то сломал, других — унес в далекие края, в эмиграцию, в изгнание.

Именно Гумилев познакомил ее с поэтом Георгием Ивановым, за которого она вскоре вышла замуж. С ним она прожила 37 лет. В 1923 году супруги уехали через Берлин в Париж. Там, на берегах Сены, и прошла большая часть их жизни. Если Георгий Иванов растерялся в эмиграции, то Одоевцеву трудности не сломили. Именно она содержала семью в то время. Пока муж, пребывая в депрессии, лежал на диване, глотая таблетки как лекарство, Одоевцева написала несколько романов, в том числе «Ангел смерти» (1927), «Изоляда» (1929), «Зеркало» (1939). Они жили на гонорары.

Все же в старости они вынуждены были устроиться в дом престарелых. Георгий Иванов умер в 1958 году. Ирина Одоевцева namного пережила его. В 1987 году судьба привела ее в Ленинград. Прожив на берегах Невы три года, она скончалась в возрасте 95 лет. Оба тома ее мемуаров о самых ярких персонажах Серебряного века — «На берегах Невы» и «На берегах Сены» были изданы в России и сразу обрели невероятную популярность.

Моховая, 35.
Здесь
Ирина Одоевцева
занималась
в литературной
студии.

«Я ИСЧЕЗЛА, Я СТИХОТВОРЕНЬЕ...»

Улица Некрасова, 60

А начиналась петербургская жизнь красавицы и поэта Ирины Одоевцевой на Бассейной улице, в огромном темно-сером, как грозовая туча, доме, построенном четырьмя знаменитыми архитекторами в стиле позднего модерна.

В те времена, когда здесь поселилась переехавшая из Латвии в Петербург семья Гейнике, улица еще называлась Бассейной (потому что она вела к открытым бассейнам, снабжавшим водой фонтаны Летнего сада).

Дом, который относился к жилому комплексу Бассейного товарищества собственных квартир, был совсем новым и — великолепным. Там было центральное отопление, дававшее ровное, ласковое тепло, горячая вода, а лифты имелись не только на парадных, но и на черных лестницах.

Однако переехали Гейнике в Петербург не в добрый час. Императорская Россия дожидая последние дни. Ощущение приближающейся катастрофы висело в воздухе.

Но юная красавица Одоевцева обладала счастливым характером, она жила словно в розовом тумане.

Даже когда свершилась революция и город, переименованный в Петроград, стал умирать, ее захлестывало ощущение радости и счастья. Потому что как можно не быть счастливой, если на свете есть поэзия и поэты?

Гумилев однажды пошутил, что ее можно ставить в угол вместо рождественской елки — так она сияет.

Она не выходила из дома без перчаток и шляпки, хотя эти аксессуары были как клеймо, указывающее, что дамочка-то — из бывших. Зимой храброе носила котиковую шубку с горностаевым воротником, не боясь, что ее ограбят, ведь она имела обыкновение очень поздно возвращаться с поэтических вечеров в свой дом на Бассейной.

Жила «с восхищением», взахлеб, в упоении от поэзии, не замечая трудностей и ужасов. Даже голод не мог отнять у нее радость жизни.

Вот что она пишет: «Это была очень голодная

зима. Хотя я и научилась голодать за революционные годы, все же так я еще не голодала. Но делала я это весело, легко и для окружающих малозаметно. Я жила в большой, прекрасно обставленной квартире — в Петербурге квартирному кризису тогда еще не было и никого не «уплотняли» еще. Я была всегда очень хорошо одета. О том, как я голодала, знал один только Гумилев. Но он, по моей просьбе, никому не открывал моей тайны. А голодала я до головокружения, «вдохновенно». Мне действительно часто казалось, что голод вызывает вдохновение и помогает писать стихи...

Когда я выходила на улицу, мне иногда казалось,

что и небо, и стены домов, и снег под ногами — все дышит вдохновением и что я сама растворяюсь в этом общем вдохновении и превращаюсь в стихотворение, уже начинающее звучать в моей голове».

Из этого красивого дома Одоевцева с Георгием Ивановым отправилась в 1923 году в эмиграцию. В последнюю ночь перед отъездом она услышала сквозь сон странный, «комариный» голос, пробивающийся сквозь шорохи: «Бедная, она не знает, что ее ждет».

И, во сне же, твердо произнесла трижды, как заклинание: «Я всегда и везде буду счастлива!» Хотя знала, что никогда не будет счастлива так, как в Петербурге.

Невский проспект, 13

В этом знаменитом доме купцов Чаплиных, где в начале XIX века торговали чаем, а в эпоху брежневского застоя был любимый ленинградский интеллигентский магазин книг соцстран, Ирина Одоевцева прожила с 1987 года до самой смерти.

Как случилось, что она вернулась? Это произошло в первые, романтические годы перестройки. В Париже, где она одиноко жила затворницей, в бедности и болезни, прикованная к инвалидному креслу после перелома шейки бедра, ее разыскали советские журналисты. О ней появились статьи в газетах. И правительство Ленинграда предложило ей, легенде Серебряного века, вернуться на родину. Она легко согласилась, сказав друзьям, что поедет в любом случае, даже если умрет в дороге.

Встречали ее восторженно. Городские власти вы-

делили ей роскошную квартиру на Невском, пенсию и медицинское обслуживание. Были изданы обе книги ее воспоминаний: «На берегах Невы» и «На берегах Сены». В них — вся история петербургской богемы, жизнь которой революция разделила на две половины: Родина — изгнание. Книжки читали за упоем. Конечно, критики и литературоведы вскоре нашли в них множество неточностей. Но таково свойство всех мемуаров — память человеческая несовершенна.

Ирина Одоевцева планировала написать третью книгу мемуаров — «На берегах Леты». Не успела.

Красавица и поэт Серебряного века умерла 14 октября 1990 года и обрела последнее упокоение на Волковом кладбище. А в ее квартире поселился писатель Валерий Попов.

В интервью нашей газете он сказал, что ничего мистического в квартире, где обитала Одоевцева, нет: «Но есть ощущение продолжения Серебряного века — что я должен быть таким же лихим, как эти поэты. Ну хотя бы наполовину серебряным — дураком быть нельзя, только блистать и стараться. И я стараюсь — каждый день пишу, куда-то что-то посылаю...»

ЗЛОСЧАСТНАЯ ПРОКЛАМАЦИЯ

Улица Радищева (до революции — Преображенская), 5

Трагический адрес. Здесь, в этом доме, в послереволюционные годы жил Николай Гумилев.

Ирина Одоевцева вспоминает, как приходила к нему в гости, где они беседовали о поэзии. Зимой в огромной квартире царил страшный холод (вспомним слова булгаковского профессора Преображенского: «Раз социальная революция, топить не надо!»). Гумилев жил в маленькой прихожей, где стояла печка. На огне он поджаривал кусочки черствого хлеба, предлагая Одоевцевой вообразить, что это — шашлык.

Однажды она случайно открыла ящик письменного стола и обнаружила там огромную пачку денег. Гумилев, забывший запереть ящик на ключ, вынужден был объяснить ей, что это деньги не его, что они предназначены для спасения России. Одоевцева страшно испугалась, стала уговаривать

его одуматься, не подвергать себя опасности. Но было поздно.

В один из последних своих визитов она увидела, что Гумилев, собиравшийся переезжать в Дом искусств, что-то ищет среди книг. Оказалось, что он искал черновик кронштадтской прокламации. Но так и не нашел. Зато крамольную листовку вскоре нашли чекисты, делавшие обыск в квартире Гумилева на Преображенской, 5, после его ареста. Одним из пунктов обвинения в участии в контрреволюционном заговоре значилась эта злосчастная прокламация.

«В СИНЕМ РАЮ ТАКАЯ ПРОХЛАДА»...

Летний сад

В жизни Ирины Одоевцевой Летний сад был местом чрезвычайно важным, почти священным.

Здесь она встречалась с Гумилевым и Георгием Ивановым. О саде ею было написано множество стихотворений.

Одно из них, написанное в 1922 году, — о расставании с человеком, которого она разлюбить не в силах:

Он сказал: — Прощайте, дорогая!
Я, должно быть, больше не приду.

По аллея я пошла, не зная,
В Летнем я саду или аду.

В стихотворении она меняется местами с одной из статуй Летнего сада, потому что «мраморное сердце не болит». Отдает ей свое рыжее клетчатое пальто, которое так нравилось Гумилеву, статуя убегает. А сама, превратившись в мрамор, встает на постамент, но обнаруживает, что чувства, свойственные человеку из плоти и крови, не исчезли: она

мерзнет под дождем и ветром, а сердце — все так же болит. И еще есть стихи про Летний сад, посвященные Гумилеву, который явился к ней во сне «из гроба и мира иного», чтобы утешить:

Плакать не надо,
Хорошо, что не плакали вы.
В синем раю такая прохлада,
И воздух тихий такой,
И деревья шумят надо мной,
Как деревья Летнего сада.

...А прежде Летний сад был таким...

Зинаида АРСЕНЬЕВА, фото Натальи ЧАЙКИ